

Что
вы

Август пахнет
прощанием и
ложью – и я не
знаю, что горчит
сильнее.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Аннет Вольф

скрывали
тем
летом

Аннет Вольф

Что вы скрывали тем летом

<https://litres.ru/74583667>

SelfPub; 2026

Аннотация

Два года подряд Елену не отпускает навязчивое желание вернуться в Вересковый Бор — деревню, где она провела детство. Почти каждую ночь ей снятся сны из прошлого: лица ребят, звуки, запахи — и неизменное, необъяснимое чувство тревоги.

Спустя десять лет она приезжает — и обнаруживает, что пятеро тех, с кем она когда-то росла, приехали туда этим же летом. Словно что-то позвало их обратно.

Долгожданная встреча или ловушка?

Елене предстоит столкнуться не только со страшным секретом друзей, но и с мороком, опустившимся на Вересковый Бор. С прошлым, которое не отпускает — потому что ему есть за что держаться.

Выбраться из тьмы, спасти тех, кто ещё жив, и не потерять себя в месте, которое когда-то было домом.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	36
Глава 4	52

Аннет Вольф

Что вы скрывали тем летом

Глава 1

В далёкой глуши, куда не доходила городская суета, затерялась деревня *Вересковый Бор*. Тихое место, где обитали всего 250 жителей. Хоть людей действительно было мало, все были максимально дружелюбными и отзывчивыми, помогающие друг другу соседи, и вечно жаждущие приключения дети.

Летний сезон был в самом разгаре. В голубом домике, в предвкушении встречи с друзьями, собиралась двенадцатилетняя девочка — *Елена*. Собрав тёмно-каштановые волосы в привычный хвост, она натянула сандалии и направилась в сарай за стареньким велосипедом. В гостиной, вцепившись взглядом в маленький телевизор, сидела женщина уже в почтенном возрасте — седые короткие волосы, очки на кончике носа — и с интересом слушала новости, из которых доносился гул громких голосов дикторов.

Елена, успешно справившись с освобождением велосипеда из груды хлама, на лету прибежала к бабушке, чтобы сообщить о своём уходе.

— Ба! Я ушла! — крикнула она, но слова утонули в шуме

телевизора.

Бабушка что-то ответила, но Елена уже не слышала — хлопнула калиткой и выскочила на главную улицу. Дорога была прямой и длинной, она словно рассекала деревню на две ровные половины. Утреннее солнце уже успело прогреть пыль, и от земли поднимался тёплый духовой аромат сухой травы.

Быстро забравшись на железного коня, она помчалась к месту сбора. Ехать пришлось на самый конец главной дороги, где её уже ждали друзья.

— Мы думали, ты снова не придёшь, — с улыбкой сказал Тим.

Тимур — тринадцатилетний мальчик с каштановыми волосами и зелёными, как свежая трава, глазами. Он жил на противоположной стороне деревни, в двухэтажном доме с идеально ухоженным участком. Родители у него были строгими, поэтому друзья никогда не собирались у него в гостях — слишком велика была опасность, что кто-нибудь нечаянно затопчет клумбу или слишком громко засмеётся.

— У неё велик доисторический, я вообще удивлена, как она ещё доехала, — поправляя свои кудрявые пряди, сказала Мел.

Мелана — блондинка с голубыми глазами, из богатой семьи, с весьма ядовитым характером. Елена давно поняла: колкости подруги — это лишь броня, за которой прячется ранимая девочка, не умеющая по-другому защищаться от

внешнего мира.

Рядом с ней стояли Кэт и Виктор. *Катерина* — рыжеволосая девочка из хорошей семьи — была куда дружелюбнее. Елена часто приходила к ней в гости, чтобы поиграть в настольные игры, и каждый раз уходила с ощущением, что провела вечер у родного человека

Виктор же, напротив, был самовлюблённым и эгоистичным. Его родители погибли, когда ему не было ещё и года, после чего его взяла на попечение тётя — женщина, которая заменила ему всё: и мать, и отца, и, пожалуй, весь мир.

— Значит так, — Тим развернул перед всеми вырванный из тетради лист, на котором карандашом был нарисован кривоватый план. — Едем до конца Главной дороги, потом сворачиваем налево, в лес. Там за холмом будет поляна — на ней и устроим финиш. Кто последний — ведёт всех за мороженым.

— Справедливо, — кивнула Кэт.

— Несправедливо, — тут же возразил Виктор. — У Елены колесо квадратное, она и так последняя.

— Моё тебе сочувствие, — Мел бросила на него насмешливый взгляд. — Ты на новом велике, а проиграешь всё равно.

Виктор фыркнул, но промолчал — возражать Мел было себе дороже.

— Готовы? — Тим поднял руку. — На счёт три. Раз... два... три!

Пять велосипедов сорвались с места. Ветер ударил в лицо, и Елена, прижавшись к рулю, помчалась первой, вырвавшись на несколько метров вперёд. Железный конь петлял между полями, заросшими по обочинам иван-чаем и зверобоем. Дорога была ухабистой, и велосипед Елены жалобно скрипел на каждой кочке, но она не сдавалась.

Они свернули на Старый тракт, когда вдруг раздался резкий лязг — цепь слетела с передней звёзды и повисла, болтаясь между рамой и колесом. Елена резко нажала на тормоза и остановилась, едва не влетев в придорожный куст.

— Вот и всё, — пробормотала она, разглядывая испачканные в грязи пальцы.

Тим, уже отъехавший метров на двадцать, развернулся и поехал обратно. Подлетел к ней, соскочил с велосипеда и присел рядом.

— Давай сюда, — он деловито перевернул её велосипед вверх колёсами. — У тебя это уже третий раз за лето. Надо бы натянуть как следует.

Кэт остановилась чуть поодаль, Мел рядом с ней, а Виктор уехал далеко вперёд — то ли не заметив, что остальные остановились, то ли решив, что это его шанс наконец-то прийти первым.

Тим возился с цепью, пытая от усердия, как вдруг сзади раздался нарастающий звук шуршащих по гравию колёс. Все обернулись.

Из-за поворота вылетел велосипед — не старый, не ржа-

вый, а блестящий, тёмно-синий, с хромированным рулём. На нём сидел парень — слегка смуглый, с тёмными волосами, растрёпанными ветром. Он затормозил рядом с компанией, и Елена заметила, как Мел мгновенно поправила причёску, а Кэт отвела взгляд.

— Чего стоим? — спросил Глеб, спрыгивая с велосипеда одним лёгким движением.

Глеб был старшим в их компании — ему исполнилось пятнадцать. Высокий, с ровной улыбкой и серыми глазами, в которых, как казалось Елене, всегда пряталась усмешка. Он был из тех мальчишек, которые нравятся всем девочкам сразу и без видимых усилий. Сам Глеб этого, впрочем, либо не замечал, либо мастерски делал вид.

— Цепь, — коротко ответил Тим, не поднимая головы.

— У мышонка как всегда? — с ухмылкой спросил он. — Дай-ка.

Глеб присел с другой стороны, и вдвоём с Тимом они за пару минут водворили цепь на место. Глеб покрутил педали, проверяя ход, и кивнул:

— Готово.

— Спасибо, — Елена перевернула велосипед обратно и села в седло. — А ты куда? Мы тут гонку устроили.

— Какую гонку? — Глеб поднял бровь.

— До поляны за холмом, — объяснил Тим. — Последний ведёт всех за мороженым.

— Тогда я тоже участвую, — Глеб усмехнулся и без пре-

дупреждения сорвался с места.

— Эй! — крикнул Тим. — Это нечестно, ты не с нами!

Но Глеб уже отъехал на несколько метров. Мел расхохоталась, Кэт улыбнулась, и даже Елена, вытирая ладонь о шорты, не удержалась от смеха.

Компания рванула следом, и вскоре все пятеро — а точнее, *шестеро* — мчались по Старому тракту, подняв облако пыли. Виктор, ждавший на поляне, недоуменно уставился на подъезжающих.

— А вы чего так долго? И откуда тут Глеб?

— Неважно, — отрезала Мел, прыгивая с велосипеда. — Главное — ты всё равно не первый.

Виктор открыл было рот для протеста, но осёкся, увидев Глеба. Тот уже стоял посреди поляны, оглядываясь по сторонам, словно прикидывал, что можно здесь ещё придумать.

Следующие дни проходили как всегда — насыщенно и шумно. Дети Верескового Бора не умели скучать: то гонки на велосипедах до старого тракта, то игры в прятки у заброшенной мельницы за околлицей, то вылазки на речку, где Тим учил всех ловить рыбу. Елена возвращалась домой к вечеру — загорелая, с исцарапанными коленками и полными карманами шишек, которые она зачем-то собирала.

Бабушка только качала головой и ставила на стол тарелку с холодным компотом.

— Ты бы хоть обувь не теряла, — ворчала она, подкладывая внучке вареники с картошкой. — В прошлый раз без

одного сандалия пришла.

— Он сам упал в речку, — оправдывалась Елена, набивая рот. — И Кэт сказала, что видела его плывущим вниз по течению.

— Ну вот и лови его, плывущим, — вздыхала бабушка.

Но ворчала она без зла. Елена это знала и каждый вечер, наевшись, целовала бабушку в щёку.

В один из таких вечеров Елена направилась к магазинчику. Бабушка попросила купить хлеб, а заодно — печенье с вареньем, которое продавщица откладывала специально для них.

Магазинчик представлял собой небольшое деревянное сооружение, покосившееся от времени, с выцветшей вывеской «*Продукты*», на которой облупившаяся краска едва читалась. Он стоял почти в конце Главной улицы, неподалёку от дома Глеба. Раньше это была обычная изба, но лет двадцать назад кто-то догадался пристроить к ней навес и выставить прилавков. С тех пор магазинчик стал центром деревенской жизни — не то чтобы тут было много товаров, но за молоком, хлебом и сплетнями сюда приходили все.

Елена толкнула скрипучую дверь и шагнула внутрь. Пахло сыром, резиной и сушёной рыбой. На полках стояли банки с солёными огурцами, лежали пачки печенья, а в углу тускло гудел старый холодильник с газировкой.

— Здравствуйте! — Елена подошла к прилавку, за которым стояла женщина средних лет с русой косой, уложенной

вокруг головы. — Бабушка сказала, что должны были отложить хлеб и печенье.

— Привет, Еленочка, — продавщица Зинаида Петровна улыбнулась, узнав девочку. — Да-да, секунду, сейчас принесу.

Она скрылась в небольшой каморке за прилавком — оттуда донёсся стук сдвинутых коробок и тихое «ага, вот они». Спустя пару секунд она вышла, держа в руках пакет, в котором угадывались формы хлебного каравая и круглой банки.

— Держи, — женщина с улыбкой протянула пакет девочке. — Хлеб свежий, утренний.

— Спасибо! — Елена радостно забрала покупки и, достав из кармана смятые купюры, отсчитала деньги. — Вот, это за всё.

— Всё верно, — Зинаида Петровна пересчитала, кивнула. — Передай бабушке привет.

Елена развернулась к выходу, прижимая пакет к груди, уже собравшись уходить.

Но на пороге магазина стояла женщина.

Она не входила — просто стояла в дверном проёме, и от этого казалось ещё страннее. Елена не сразу смогла разглядеть её лицо, потому что женщина смотрела куда-то сквозь помещение, мимо прилавка, мимо полок, мимо самой Елены — словно видела что-то такое, чего больше никто не видел.

Выглядела она жутковато. Длинное серое платье доходило до самых щиколоток, поверх был накинута чёрный карди-

ган, такой длинный, что волочился по земле. Растрёпанные белые волосы — не седые, а именно белые, как первый снег — разлетались в стороны, словно их давно не касалась расчёска. На шее, поверх платья и кардигана, висело множество разных кулонов — каменных, деревянных, металлических, на тонких цепочках и на кожаных шнурах. Они тихо позвякивали при каждом движении.

Елена почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Эй, мы закрываемся! Приходите завтра! — Зинаида Петровна крикнула это резко, и Елена вздрогнула. Она обернулась к продавщице: на лице Зинаиды Петровны, обычно доброжелательном, сейчас было написано что-то среднее между раздражением и страхом.

Это было тем более странно, что до закрытия магазинчика оставалось ещё больше часа — Елена видела часы на стене, стрелки показывали чуть больше восьми вечера.

Странная женщина резко развернулась — движение было быстрым, неожиданным для её возраста — и ушла прочь. Так же тихо, как и появилась. Ни единого слова. Только кулоны звякнули напоследок, и дверь магазина качнулась от сквозняка.

Елена стояла, не двигаясь, и смотрела через стекло, как женская фигура удалялась по улице.

— Аккуратнее с ней, малышка, — голос Зинаиды Петровны за спиной прозвучал тише обычного. Елена повернулась. Продавщица стояла, облокотившись на прилавок, и смотре-

ла в ту же точку, куда ушла женщина. — Поговаривают, что она колдунья. Чёрной магией балуется.

Елена моргнула.

— Колдунья? — переспросила она, не уверенная, что правильно расслышала.

— Так говорят, — Зинаида Петровна понизила голос, словно кто-то мог подслушать. — Живёт она где-то на окраине. Ни с кем не здоровается, в магазин почти не ходит — только иногда вот так появляется, стоит в дверях и молчит. Странная она.

— А как её зовут? — Елена почувствовала, что ей стало любопытно.

Зинаида Петровна пожала плечами.

— Кто ж знает. Все зовут её просто ведьмой. Настоящее имя, по-моему, давно забыто.

— Ладно, беги домой, — Зинаида Петровна кивнула на пакет. — Бабушка ждёт.

— Хорошо, — Елена кивнула и вышла из магазина.

Вечернее солнце висело низко, заливая Главную улицу золотистым светом. Елена села на велосипед, прижала пакет к животу — одной рукой руль, другой покупки — и поехала домой.

— Ба, в магазине сегодня одна женщина была. Странная. Зинаида Петровна сказала, что она колдунья.

Бабушка молчала так долго, что Елена решила, что та не расслышала. Но потом старая женщина заговорила — тихо

и медленно:

— Она живёт здесь давно, Елена. Дольше, чем я. Дольше, чем Вересковый Бор. И если Зинаида Петровна называет её колдуньей — это ещё не значит, что это правда. Люди тут часто называют колдунами тех, кого не понимают и боятся.

Лето плавно приближалось к своему логическому завершению. Август клонился к закату — в прямом и переносном смысле. Дни становились короче, ночи — прохладнее. Иванчай отцвёл, и вместо розовых полей стояли сухие стебли с растрёпанными коробочками семян.

Но дети Верескового Бора не унывали. Тем более что впереди была главная традиция — последняя ночь лета. Каждое лето, сколько себя помнила Елена, вся компания собиралась на ночёвку у Кэт. У неё был самый большой дом — не двухэтажный, как у Тима, но просторный, с верандой, на которой помещались все пятеро, а иногда и шестеро, если Глеб тоже приходил.

— Бабушка разрешила, — сообщила Кэт утром, когда они встретились у колодца. — Сказала, что можем ночевать на веранде. Поставит раскладушки, даст одеяла. Только чтоб без фейерверков — в прошлом году Виктор чуть не поджёг крышу.

— Это не я, — тут же возразил Виктор, появившись из-за угла. — Это бенгальский огонь сам в сторону повёл.

— Ты его в крышу и направил, — напомнил Тим, соскакивая с велосипеда. — Я помню.

— Мелкая деталь, — отмахнулся Виктор.

— Елена, ты придёшь? — Кэт повернулась к ней, и в её рыжих волосах мелькнула искра утреннего солнца.

— Конечно, — кивнула Елена. — Ба уже знает, я предупредила.

— А я может, тоже загляну, — раздался голос Глеба. Он стоял, прислонившись к дереву, — непонятно, когда успел подойти. Серые глаза прищурены, руки скрещены на груди. — Если не прогоните.

— Не прогоним, — быстро сказала Мел и тут же отвела взгляд, делая вид, что рассматривает облака. Кэт и Елена переглянулись. Мел делала вид, что Глеб ей безразличен, уже второе лето подряд, и каждый раз одинаково неубедительно.

Вечером, как только закрылась дверь, Тим выложил на раскладушку свой рюкзак. Из него появились: карманный фонарик, перочинный нож, компас, блокнот, карандаш и почему-то моток бечёвки.

— Ты что, в экспедицию собрался? — спросил Виктор.

— А ты что, без всего пришёл? — парировал Тим.

— Я принёс картошку, — Виктор поднял пакет. — Будем печь.

— В очаге на веранде, — добавил Глеб, который появился последним. Он принёс пакет с зефиром и коробку спичек. — Картошка — это хорошо. Зефир — ещё лучше.

Мел сидела на раскладушке, подтянув колени к подбородку, и наблюдала, как Тим с Глебом разводят огонь в малень-

ком кирпичном очаге, который отец Кэт сложил прошлым летом.

Елена сидела в плетёном кресле, и смотрела на огонёк. Угли ещё не прогорели, и тёплый рыжий свет лежал на её лице, на тёмно-каштановых прядях, выбившихся из хвоста, на исцарапанных коленках, которые она не удосужилась заклеить пластырем. Со стороны могло показаться, что она просто греется у огня и слушает, как Тим дразнит Мел, а Виктор рассказывает про недавнюю драку с мальчишками.

Но Елена не слушала, она вспоминала как недавно Тим пригласил её к себе на участок, признался в своих чувствах, и пытался поцеловать. Он потянулся к ней, наклонился — и Елена отшатнулась так резко, что скамейка на которой они сидели, качнулась. Сердце колотилось, но не от радости — от неожиданности и страха обидеть. Она открыла рот, но нужных слов не было. Тех, что не ранят. И тогда она просто убежала. Не оглянулась, не сказала «прости», не сказала «нет». Просто вскочила и побежала — по тропинке, мимо георгинов, через калитку, по Главной улице, пока ветер развивал волосы.

Три дня после этого Тим вёл себя как обычно. Шутил. Задира́л Виктора. Дразнил Мел. Предлагал гонки на велосипедах. Но Елена видела — видела, как его улыбка не доходила до глаз, как он отворачивался, когда она к нему обращалась, как стал тише, когда она рядом. Подавлен, говорила себе она. Он подавлен. И я причина. Она хотела поговорить с ним —

много раз начинала подходить и каждый раз отступала. Каждая фраза, которую она прокручивала в голове, звучала как пощёчина. Так они и не поговорили.

Вечер прошел за поеданием горячей картошки, сожженного зефира и страшных рассказов от Виктора. Елена смотрела на звёзды, но думала не о них. Думала о том, что утром все разъедутся — в свои города, к своим школам, к своим осенним будням. Что Вересковский Бор опустеет, как опустеет всегда — тихо, незаметно, будто дети никогда здесь и не были. Что веранда Кэт будет стоять пустая до июня, и очаг остынет, и следы велосипедных шин на Старом тракте размоем дождём.

Утро наступило слишком быстро. Солнце било в глаза через щель зашторенного окна, и Елена проснулась первой. Села, потёрла лицо, огляделась. Кэт и Мел сопели в одной кровати, одеяло свисало к полу, Виктор спал, раскинув руки в стороны, как звёздочка, а Тим лежал, отвернувшись к стене. Глеба не было — его раскладушка была застелена, рюкзак исчез. Он уехал на рассвете, не попрощавшись.

К полудню разъехались все.

Родители Елены приехали тем же вечером. Они сели с ней на кухне, и мать взяла её за руку и сказала, что бабушка очень больна. Врачи говорят — прогнозы неутешительные. Что повезут в город, в больницу, там лучше оборудование, лучше врачи. Она поправится? — спросила Елена, и голос её прозвучал не как вопрос, а как просьба. Мать не ответила.

И этого было достаточно.

Бабушка лежала на диване в гостиной, укрытая пледом, хотя в доме было тепло. Последние дни она почти не вставала — а Елена думала, что это просто усталость. Жара, долгое лето, ничего страшного. Бабушка смотрела на внучку и улыбалась — той самой тёплой, шершавой улыбкой, — и молчала. Не сказала ни слова о болезни. Ни слова о том, что знает. Просто улыбалась.

Дом пришлось продать, вместе с ним и исчезли планы на следующее лето. Бабушка скончалась в больнице через пару месяцев, в ноябре, когда за окном шёл первый снег.

Вересковый Бор остался где-то далеко — за городами, за дорогами, за снегом. Голубой домик, в котором пахло хлебом, где на диване лежала любимая бабушка, а по маленькому телевизору шли новости — теперь принадлежал чужим людям. Деревья на Главной улице всё так же роняли листья, речка всё так же текла, а следующим летом, друзья всё так же будут наслаждаться временем.

Но Елена больше не приезжала.

Глава 2

Прошло *десять лет* с тех пор, как Вересковый Бор остался лишь в моих воспоминаниях — как старая фотография, которую достаёшь из ящика раз в год и смотришь, не веря, что когда-то это было твоей жизнью. После трагедии в нашей семье родители ни разу не приезжали в деревню. Во-первых, как говорила мама, туда слишком долго добираться. Во-вторых, оставаться на ночь было негде: дом продали давно, и в нём теперь жили чужие люди.

Пару месяцев назад я всё же доехала до деревни. Но ничего не увидела, кроме пустых, будто забытых домов, тишины на главной улице и магазинчика, заколоченного деревяшками крест-накрест. Казалось, деревня затаила дыхание и ждёт, когда кто-нибудь снова её окликнет. Но никто не окликал. Вересковый Бор словно опустел — абсолютная тишина, абсолютное одиночество.

Чувство, что мне нужно вернуться туда снова, не покидало меня ни днём, ни ночью. Оно не было громким, но оно было упрямым — как шрам, который иногда ноет перед дождём.

К моменту, когда мне исполнилось двадцать, я уехала жить в *Серобринск* — он был недалеко от нашего родного города, но гораздо больше и перспективнее. С подругой мы сняли небольшую квартиру рядом с нашей академией. Она

была тесной, с кухней, где едва помещались двое, и окнами, выходящими на шумный двор. Нашей зарплаты официанток хватало с трудом, но мы не жаловались. Мы чувствовали себя взрослыми и свободными — и это чувство стоило любых неудобств.

— Эй! Ты снова взяла мою кофту? — крикнула из полужакрытой ванной комнаты Сабрина.

— Я ничего не брала, ты, как обычно, оставила её у того парня из клуба, — раздражённо крикнула в ответ я, пытаюсь натянуть капроновые колготки, которые уже были в зацепках после двух неудачных попыток.

Сабрина высунула свою белокурую голову из двери.

— А! Точно, я и забыла... — виновато улыбнувшись, она спряталась обратно за дверь и начала агрессивно искать фен, который, как всегда, был на самом видном месте.

Я тяжело выдохнула, наконец справившись с колготками. Застегнула юбку-карандаш на талии, накинула белоснежную блузку. Сегодня был последний учебный день перед летними каникулами. Да, впереди ещё ждали внеклассные занятия, но это не могло испортить наши грандиозные планы на лето.

Сабрина наконец вышла из ванной. Она оглядела меня с ног до головы.

— Чего? — смущённо спросила я, машинально поправив чёлку.

— Ты снова плохо спала? У тебя круги под глазами, даже под слоем тонального крема видно, — она ткнула пальцем в

моё лицо. — Снова те же кошмары?

Я медленно кивнула. В последнее время мне и вправду часто снился Вересковый Бор: мои бывшие друзья, старые улицы, сарай, где хранился мой велосипед, и ужасно жгучее чувство тревоги. Я не держала с ними связь с тех пор, как мы продали дом: у меня банально не было ни их номеров, ни адресов.

— Тогда, может, съездим туда? — Сабрина резко хлопнула в ладоши. Я вздрогнула. — Как раз лето, возможно, в этот раз там хоть кто-нибудь будет.

Я задумалась. С одной стороны, поездка туда явно могла успокоить моё внутреннее состояние, вернуть ощущение завершенности. С другой — ехать нужно было очень долго, и я не была уверена, что готова к этой встрече.

— Ну давай! Если что, переночуем в моей машине, или, на крайний случай, займём чужой дом, — с хитрой улыбкой и щенячьими глазами сказала Сабрина.

— Ладно... — сдалась я. — Но только после сдачи академических работ, иначе нас оставят на второй год.

Сабрина улыбнулась, довольная своей маленькой победой.

Лето было насыщенным: сдача работ в академии, подработка в кафе, прогулки с друзьями до самого утра. Время предательски быстро летело, а вместе с ним приближался и его конец.

Ранним субботним утром Сабрина и вправду начала готовиться к поездке — что было явно не в её характере, ведь она любила спать до обеда. Я последовала её примеру. Через час сумки уже были готовы и стояли у двери.

— Слушай, Елена, я быстро съезжу к Винсу и приеду, — надевая свою тонкую розовую ветровку, сказала подруга. — Скажу ему, что я уезжаю, а то он по телефону всегда злой.

Винс был одним из её парней — самым агрессивным и настойчивым. Сабрина много раз из-за него плакала и нервничала, но донести влюблённой подруге, что кто-то ей не подходит, было практически невозможно.

— Ты серьёзно? По-моему, самое правильное решение — это просто написать ему, а не приезжать лично, — возмущённо сказала я.

— Знаю, но если так сделаю, потом будет ещё хуже, ты же помнишь прошлый раз. Обещаю, я быстро, — она скрестила пальцы на руках в знак обещания, обняла меня и убежала вниз к машине.

Я даже не успела отреагировать — лишь тяжело вздохнула и села обратно на диван, ожидая подругу. Спустя минут сорок она позвонила и сказала, что не приедет сегодня: Винс заболел и попросил её побыть с ним. На мои протесты и возмущения она лишь пообещала, что мы поедем на следующих выходных. Но я уже была готова ехать сегодня и совершенно не любила, когда планы резко менялись.

Недолго думая, я взяла свой небольшой рюкзак, докумен-

ты, деньги и решила ехать одна. Машины у меня не было, а такси вышло бы в две мои зарплаты официантки, поэтому я направилась на вокзал.

Поездка была долгой. В вагоне, на верхней полке, я в наушниках слушала свои любимые песни и думала о том, что снова увижу тишину и пустоту деревни. Но с каждым километром, приближающим меня к Вересковому Бору, волнение только усиливалось. Я списывала это на воспоминания и события, которые там произошли: смерть бабушки, продажа дома, прекращение общения с друзьями. Всё это так или иначе повлияло на меня, хоть я и пыталась это отрицать.

Проводница объявила мою остановку, и я вышла. Вересковый Бор находился довольно далеко: пешком пришлось идти больше часа. Раньше у вокзала стояло такси или ходили автобусы, но теперь ничего такого не было — либо мне не везло, что тоже случалось нередко.

Спустя час я дошла до главного поворота к деревне. Прошла через небольшой деревянный мостик, по извилистой тропинке, и наконец вышла к главной длинной дороге нашей деревни.

Солнце стояло высоко, но воздух был прохладным, будто деревня не хотела принимать лето. Тени от домов лежали на дороге, длинные и неподвижные. Я остановилась на краю улицы, вдыхая этот воздух — пыльный, травяной, немного горький от сухой полыни.

Я стояла и смотрела на пустую улицу, и впервые за дол-

гое время чувствовала не только тоску, но и странное, почти забытое предвкушение: будто Вересковый Бор ждал меня. И теперь я наконец пришла.

Первым делом я хотела увидеть наш старый дом. Он стоял почти в конце главной дороги, по правую сторону — тот самый голубой домик, который я столько раз рисовала в детстве цветными карандашами, а потом прятала рисунки под подушку, чтобы никто не смеялся.

Пока я шла по улице, вокруг стояла такая тишина, что даже шаги мои звучали слишком громко, будто я нарушала какой-то неписанный деревенский закон. Я не слышала ни голосов из ближайших домов, ни лая собак, ни даже скрипа калиток. Только ветер шелестел в высокой траве, да где-то далеко каркала ворона. И ни одного следа, что тут кто-то был.

Дойдя до нужной аллеи, я остановилась. Боялась ли я увидеть разрушенный дом? Или больше боялась увидеть что-то совсем другое — какую-то новую, чужую жизнь в стенах?

Глубоко вздохнув, я всё-таки решилась. На ватных ногах подошла к деревянному белому забору, который мы с мамой красили в детстве: она держала банку с краской, а я старательно водила кисточкой по доскам, стараясь не капать на сандалии.

Подняв взгляд, я увидела всё тот же голубой старенький дом. Ничего не изменилось — только трава вымахала почти под мой рост и теперь стояла плотной стеной, скрывая нижнюю часть фасада.

Я затаила дыхание. Столько лет прошло, а я ощущала, будто и не уезжала отсюда давным-давно. В уголках глаз проступили слёзы, а в голове вдруг вспыхнули воспоминания, одно за другим: как мы с бабушкой пекли пироги, как я пряталась за этим самым забором от дождя, как мама смеялась, когда я пыталась помочь с грядками и вместо сорняков выдернула молодую морковь.

Дрожащими руками я дотронулась до досок. Тёплые, шершавые, с облупившейся краской. Но заходить не стала. Вдруг там кто-то живёт, да и вообще это неправильно — это больше не наш дом. Я сделала пару снимков на телефон для родителей, постояла минут двадцать, вдыхая этот особенный запах деревни — пыли, травы, старого дерева, — и решила дойти до водоёма.

Он находился прямо перед домом, на небольшой горке. Поднявшись по тропинке сквозь кусты, я уже стояла над ним. Вода была тёмной и мутной, будто хранила в себе все секреты деревни. Такой же она была и десять лет назад. Спустившись вниз к песку, я присела на корточки. Здесь мы когда-то купались, пока взрослые не запретили. А потом в нём утонул ребёнок, и нам строго-настрого велели держаться подальше. Теперь берег казался заброшенным: песок потемнел, местами порос травой, а у кромки воды валялись сухие ветки и обрывки пакетов.

— Елена? — прозвучал близко мужской голос.

Я вздрогнула и чуть было не упала прямо в воду. Резко

обернувшись, я окаменела. Передо мной стоял Тим. Он был явно удивлён не меньше меня: мы смотрели друг на друга, как на призраков из прошлого — две души, которые когда-то познакомились на этом самом месте.

Сейчас это был не тот маленький мальчик с грязными руками и порванными штанами от вечных гонок на велосипедах. Передо мной стоял взрослый молодой человек: объёмная укладка, чёлка уложена вверх, джинсовая куртка небрежно накинута на плечи, штаны идеально выглажены. Но глаза остались теми же — зелёные, чуть прищуренные, будто он всё ещё высматривал в каждом движении подвох или приключение.

— Тим? — наконец подала голос я, сама не понимая до конца — сон это или явь.

Он медленно подошёл ближе и протянул руку, чтобы помочь мне подняться с песка. Дрожащими пальцами я приняла помощь и, наверное, только в этот момент осознала, что *не сплю*.

— Спусти столько лет, а твой взгляд всё тот же, — сказал он, улыбнувшись уголком губ.

— Испуганный? — горько ухмыльнулась я, машинально поправив чёлку, как делала всегда, когда нервничала.

— Сияющий, — поправил он тихим и ласковым голосом, от которого мурашки побежали по всему телу.

Он не спешил отпускать мою руку. Сердце билось так быстро, что я невольно подумала: он слышит каждый его

удар.

— Когда ты приехала? Видела уже остальных? — спросил он, слегка отстранившись, чтобы дать мне пространство, но не разрывая взгляда.

— Остальных? — удивлённо переспросила я, ещё не до конца осознавая, что встретила его.

— Да, все ребята тут. Мел проверяет какие-то вещи у себя в доме, Кэт и Виктор пошли за водой на колонку.

Теперь я была ещё в большем шоке, чем пару минут назад. Мир будто сдвинулся с места и встал заново — но уже не так, как раньше.

Тим снова мягко взял меня за руку и повёл к главной дорожке. Навстречу нам как раз шли Кэт и Виктор. Как только они заметили меня рядом с Тимом, резко остановились. Виктор поднял брови вверх от удивления, а Кэт, не раздумывая, подбежала и обняла меня неожиданно крепко — так, будто боялась, что я снова исчезну.

— Боже, Елена! — Кэт слегка отстранилась, чтобы взглянуть на моё лицо. — Это правда ты?

— Да... Мне тоже ещё не до конца верится, — с дрожью в голосе сказала я.

Виктор уже подошёл к нам, встал рядом с Тимом и скрестил руки на груди. В его взгляде читалась не просто неожиданность — в нём была обида.

— Почему ты не приезжала раньше? Мы почти каждое лето приходили к твоему дому, — сказал он с лёгкой горечью.

Я не сразу нашла подходящих слов. От раздумий меня вырвал знакомый до боли голос.

— Мышонок? — произнёс он хрипловато, растягивая гласные.

Из-под крепких объятий Кэт я увидела Глеба. Тот самый мальчик, который мне нравился давным-давно, о котором я рассказывала Сабрине, но даже думать запрещала себе об этом. Его чёрные волосы, как и всегда, были слегка взъерошены, чёлка небрежно закрывала брови. Водолазка идеально облегла его рельефные руки.

Когда он стал подходить ближе, я вдруг вспомнила, что *нужно дышать*. Кэт отпустила меня и отошла немного в сторону, будто давая нам с ним пространство.

Глеб остановился рядом, смотря на меня сверху вниз. Я заметила, как его взгляд резко изменился: удивление уступило место чему-то похожему на раздражение. Затем он наклонился чуть ниже и прошептал так, чтобы услышала только я:

— Тебя не должно здесь быть... — шёпот прозвучал холодно, отчуждённо.

У меня невольно пробежали мурашки по всему телу, а внутри шевельнулось разочарование. Возможно, я ожидала другой реакции на нашу встречу. Но быстро надела маску безразличия.

— Что? — спросила я тем же шёпотом, непонимающе глядя на него.

Наконец наш дурацкий зрительный контакт и этот немой диалог прервал Тим.

— Так, раз мы все тут, лучше будет устроить ночёвку, как в старые добрые времена, — бодро сказал он, будто хотел стереть неловкость одним предложением.

Кэт радостно начала хлопать в ладоши, уже явно выстраивая в голове план: кто что принесёт, где разложить одеяла, сколько зефира нужно купить. Виктор тяжело вздохнул за её спиной, но в его вздохе не было настоящего недовольства — скорее привычная усталость от её энтузиазма. А Глеб всё так же пристально смотрел на меня, нахмурившись, будто пытался разгадать какую-то важную загадку.

Тим положил руку мне на плечо.

— Ты не против остаться на ночь? — с надеждой в голосе спросил он.

— Не против. Мне всё равно оставаться негде, ведь дом мы продали уже давно, — грустно констатировала я, снова ощутив ту самую пустоту, которая появлялась каждый раз, когда я вспоминала, что у меня больше нет этого уголка.

Тим кивнул, будто принял это как данность, и пошёл искать Мел, чтобы рассказать ей новости. А мы с остальными направились к дому Кэт — готовиться к вечеру, который, я чувствовала, будет совсем не таким, как те беззаботные ночёвки из детства.

По дороге Кэт болтала без умолку, рассказывая, как изменилась деревня, кто куда уехал, кто вернулся, кто женился,

а кто снова уехал. Виктор время от времени вставлял короткие комментарии, больше похожие на ворчание, но я знала: он рад. Просто не привык показывать радость открыто.

А я шла между ними и пыталась унять дрожь в пальцах. Всё вокруг было знакомым до боли, но теперь всё казалось немного другим — как старая фотография, которую смотришь через годы и видишь детали, которых раньше не замечал.

И только Глеб шёл чуть поодаль, не присоединяясь к разговору, и время от времени бросал на меня короткие взгляды, в которых я никак не могла прочитать ни радости, ни злости — только что-то тяжёлое, будто он нёс на плечах груз, который не хотел делить ни с кем.

Дом Кэт почти не изменился. Та же веранда с покосившимися перилами, те же выцветшие занавески в мелкий цветок, тот же запах — смесь лаванды, старой древесины и чего-то тёплого, домашнего. Только теперь на перилах висела не детская куртка, а лёгкая джинсовая, а на подоконнике вместо игрушечного медвежонка стоял глиняный горшок с чахлым *суккулентом*.

— Заходи, заходи, не стой на пороге! — Кэт схватила меня за руку и втянула внутрь, будто боялась, что я снова исчезну, если хоть на секунду оставлю её одну. — Сейчас всё устроим. У меня есть раскладушка, правда, она скрипит, но это даже хорошо — никто не прокрадётся ночью.

Виктор закатил глаза, но в уголках губ мелькнула улыбка.

— Да ладно тебе, Кэт, она же не в музей пришла. Пусть посидит. Чай будешь? У меня в рюкзаке пачка печенья.

Я кивнула, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает. Это было так знакомо: Кэт, которая всё должна организовать, Виктор, который ворчит, но первым приносит нужное, и эта уютная суета, когда каждый знает своё место.

Мы устроились на веранде. Кэт расставляла чашки, Виктор шуршал обёрткой от печенья, а я сидела, поджав ноги, и смотрела, как свет вечернего солнца ложится на доски пола, рисуя длинные золотистые полосы.

— Помнишь, как мы тут прятались от грозы? — вдруг спросила Кэт, не поднимая глаз. — Ты тогда сказала, что гром — это кто-то роняет на небе кастрюли.

Я рассмеялась, и этот смех прозвучал неожиданно легко, будто прорвался сквозь годы тишины.

— А ты сказала, что это великаны играют в боулинг, — подхватил Виктор, откусывая печенье. — И мы все решили, что великаны — это плохо, потому что они могут случайно уронить кастрюлю прямо на наш дом.

— И мы тогда сидели тут и охраняли дом, — добавила я, чувствуя, как внутри разливается тепло. — С палками, как с мечами.

Кэт подняла голову, и в её глазах блеснули слёзы, но она тут же заморгала, прогоняя их.

— Я так рада, что ты приехала, — тихо сказала она. — Честно. Мы все скучали. Даже если не говорили об этом.

Виктор хмыкнул, но не стал спорить. Вместо этого он подвинул ко мне пачку печенья:

— Держи. Изюм твой любимый, вроде.

— Ненавижу изюм, — улыbnулась я, но взяла одно, откусила — и на секунду снова стала той десятилетней девочкой, которая верила в великанов и думала, что мир держится на дружбе и палках-мечах.

Пока мы болтали, на веранду поднялся Тим с Камелией. Мел выглядела почти так же, как раньше — только вместо косичек у неё были небрежно собранные волосы, а в глазах появилась какая-то взрослая усталость, которая странным образом сочеталась с прежней живостью.

— Ну что, все в сборе? — Тим присел на край стола, оглядывая нас. — Значит, план такой: сначала ужин, потом костёр, потом истории. Как раньше.

— Только без страшилок, — предупредила Кэт, но тут же добавила: — Ну, если только совсем не страшные.

— Без страшилок никак, — возразил Виктор. — Это традиция.

Мел села рядом со мной и легонько толкнула плечом.

— Знаешь, я всегда думала, что ты вернёшься, — сказала она тихо, чтобы остальные не услышали. — Не верила, что можно просто взять и забыть это место. И нас.

Я хотела сказать, что не забывала, что просто не могла вернуться, что каждое воспоминание было как осколок стекла — красивое, но острое. Но вместо этого просто кивнула

и жала её руку. Этого хватило.

Ужин получился простым: хлеб, сыр, варёные яйца, которые Кэт достала из холодильника, и банка маринованных огурцов, которые, по её словам, «делает тётя Марина, и они такие кислые, что сразу вспоминаешь детство». Мы ели, передавая друг другу тарелки, смеялись над старыми историями и тут же придумывали новые. Время будто растянулось, стало густым и тёплым, как мёд.

Когда солнце село, Тим развёл костёр в том же кирпичном очаге, что и десять лет назад. Пламя трещало, отбрасывало рыжие блики на наши лица, и казалось, что тени прошлого встают рядом с нами, не пугая, а просто желая посидеть вместе.

— Кто первый? — спросил Тим, усаживаясь на пол и подтягивая колени. — Традиция есть традиция.

— Ты, как всегда, — улыбнулась Кэт.

Тим прищурился, глядя на огонь, и начал:

— В этом году я нашёл старую тропу за мельницей. Ту, что все считали заросшей. Пошёл по ней и вышел к маленькому озеру, которого раньше не видел. Вода там прозрачная, будто стекло, и на дне лежат камни, выложенные кругом. Не просто так, а будто кто-то специально. Я сел на берегу и слушал, как ветер шумит в камышах, и вдруг понял, что ничего не боюсь. Ни темноты, ни одиночества, ни того, что мир большой и непонятный. Потому что где-то в этом мире есть место, где тебя ждут. Даже если ты сам об этом не знаешь.

Мы сидели тихо, слушая его, и каждый, наверное, думал о своём.

Потом рассказывала Мел — о том, как она пыталась вырастить огород и как все помидоры погибли от какой-то непонятной болезни, но зато вырос один огромный подсолнух, который смотрел на дом, как часовой. Виктор рассказал, как однажды заблудился в лесу и нашёл старую избушку, в которой пахло пылью и яблоками, и как ему на секунду показалось, что кто-то тихо напевает внутри, но когда он заглянул, там никого не было.

А когда очередь дошла до меня, я не стала рассказывать ни о городе, ни об академии, ни о работе. Я рассказала о том, как иногда по ночам мне снится Вересковый Бор — не таким, каким он был, а таким, каким я его помню: полным света, смеха и жизни. И как эти сны пугают меня, потому что я боюсь проснуться и понять, что всё это было не со мной.

— Но сегодня я не боюсь, — закончила я, глядя на друзей. — Потому что вы здесь. И это настоящее.

В этот момент я почувствовала чей-то взгляд и подняла глаза. Глеб стоял в стороне, у края света, где пламя уже не доставало, и смотрел на нас. В его лице не было прежней холодности — скорее какая-то напряжённая задумчивость, будто он пытался удержать в себе что-то важное.

Кэт заметила мой взгляд.

— Он... в последнее время сам не свой, — шепнула она мне, наклонившись. — Но он рад, что ты здесь. Просто не

умеет это показывать.

Я не успела ответить. Тим встал, протянул руку:

— Пойдём? Посмотрим на звёзды. Там тише, и лучше видно.

Мы вышли на улицу. Сели на небольшую скамейку, плечом к плечу, и смотрели, как небо наливается темнотой, а звёзды загораются одна за другой.

— Знаешь, — тихо сказал Тим, не глядя на меня, — я иногда приходил к твоему дому и думал: а вдруг ты когда-нибудь вернёшься. И тогда я скажу тебе, что дом может быть не там, где стены, а там, где люди.

Я улыбнулась, чувствуя, как слёзы снова подступают, но теперь это были не слёзы боли, а слёзы облегчения.

— Спасибо, — прошептала я. — За то, что ты верил.

Ночь опускалась на деревню, укутывая её тишиной и покоем. Где-то далеко прокричала ночная птица, ветер шевельнул траву, и на секунду мне показалось, что старый дом на Главной улице тихо *вздыхнул*, будто тоже был рад, что я вернулась.

Глава 3

Утром следующего дня я проснулась рано. Села на край раскладушки и несколько секунд просто смотрела на потолок, пытаюсь осознать, что действительно всё ещё здесь — рядом со своими друзьями детства.

Остальные ещё спали, все, кроме Глеба. Его раскладушка была пуста и, как всегда, аккуратно застелена — уголки одеяла заведены под матрас с такой ровностью, будто он не ложился вовсе. Я накинула вязанную зелёную кофту, сунула ноги в кроссовки и вышла на улицу. Утро было серое, тихое, пахло росой и жжёными дровами — кто-то из соседних домов уже затопил печь. Глеба рядом не оказалось.

Выйдя на главную дорогу, я заметила его — стоял у магазинчика, заколоченного досками, того самого, где я впервые увидела странную *женщину с кулонами на шее*. Окошко в двери было затянуто плотной клеёнкой, которая со временем уже запылилась. Вывеска давно выцвела, и только по облупившимся буквам можно было разобрать название — «Продукты».

Я медленно подошла к нему.

— Привет, — всё ещё сонно прошептала я, останавливаясь рядом.

— Привет, — произнёс он тихо, не оборачиваясь.

Повисло неловкое молчание. Я нервно теребила край ру-

кава, наматывая пуговицу на нитку и распуская её обратно.

— Ты должна уехать, — наконец произнёс он спустя пару минут.

— Что? — я подняла на него взгляд, полный замешательства.

— Уезжай отсюда, Елена. Сегодня же, — Глеб наконец посмотрел на меня хмурым взглядом. Лицо у него было усталое, под глазами залегли тени, будто он не спал вовсе.

— Я ведь только недавно приехала. Почему ты просишь меня уехать?

Он снова отвернулся, посмотрел на землю. Челюсть сжалась, потом разжалась — он явно о чём-то раздумывал, подбирал слова, но так и не нашёл подходящих.

— Вот вы где! — крикнула нам Мел, которая уже стремительно приближалась, явно в хорошем настроении. Волосы у неё были собраны в хвост, щёки покраснелись от свежего воздуха. — Я уже начала волноваться!

Когда я повернулась на её голос, Глеб в этот момент резко развернулся и ушёл в сторону своего дома, не сказав ни слова. Его спина быстро растворилась в утренней дымке между домами.

— Что-то случилось? — спросила Мел, провожая его взглядом.

— Сказал, что мне лучше уехать сегодня, — я устало потёрла глаза. — А почему — не объяснил.

Мел нахмурилась, о чём-то задумалась. Потом её взгляд

слегка помрачнел. Она перешла на шёпот, хотя рядом были только мы двое.

— Возможно, это из-за его младшей сестры.

— Сестры? — удивлённо переспросила я. — У него есть сестра?

— Не кричи, — раздражённо прижала руку к моему рту Мел. — Она умерла не так давно, вроде полгода назад.

Я моргнула, пытаясь обработать услышанное. Глеб никогда не упоминал никакую сестру. Но тогда о многом он не говорил.

Мел продолжила, будто зная, какой вопрос последует дальше:

— Никто не знает точно, почему. Вроде что-то генетическое, — она заправила выбившуюся прядь за ухо и понизила голос ещё на полтона. — Не советую ему напоминать о ней.

Я медленно кивнула. В груди стало тяжело. Я понимала, что он мог сейчас переживать — потеря близкого человека не уходит за полгода, не уходит и за годы. Потеря бабушки для меня была такой же болезненной даже спустя много лет — до сих пор иногда снилось, как она сидит на кухне и режет яблоко на дольки, и я просыпалась с ощущением, что нужно рассказать ей что-то важное, а рассказывать уже некому.

— Но причём тут я? — тихо спросила, будто подруга знала ответ. — Почему мне уезжать?

Мел покачала головой.

— Не знаю. Может, ему тяжело видеть... кого-то из про-

шлого. Может, ты напоминаешь ему о чём-то. — Она помолчала. — А может, дело вообще не в этом. Он в последнее время сам на себя не похож.

Мы с Мел вернулись назад в дом. Ребята уже к этому времени проснулись: Виктор, как и в детстве, начал своё утро с чипсов — лежал на раскладушке, свесив ноги, и хрустел с таким довольным видом, будто это был завтрак в дорогом ресторане; Кэт расчёсывала свои медные пряди у зеркала, медленно и тщательно, словно готовилась не к обычному дню, а к фотосессии; Тим собирал постель, старательно заправляя углы.

— Ну что, чем сегодня займёмся? — Виктор стряхнул крошки с футболки и сел. — Предлагаю пойти на речку.

— Ты только проснулся и уже думаешь, куда бы сбежать от ответственности, — усмехнулся Тим.

— А какая тут ответственность? — Виктор развёл руками. — Мы в отпуске. Ну, типа в отпуске. В гостях. На отдыхе.

— Это одно и то же, — Кэт провела гребнем по пряди последний раз и собрала волосы в хвост.

Все засмеялись, и на мгновение всё снова стало простым — как в детстве, когда мы собирались вместе и мир не казался таким запутанным. Но я то и дело ловила себя на мысли о Глебе — о его словах, о его взгляде, о сестре, о которой я ничего не знала.

И о том, что за этим наверняка стоит что-то, чего я пока не понимаю.

Виктор поднялся с раскладушки.

— Ладно, хватит болтать. Серьёзный вопрос: речка или озеро?

— Озеро, — не задумываясь, сказал Тим. — Речка — это мелко, каменисто и скучно. На озере песчаный берег, хоть нормально позагорать.

— «Позагорать», — передразнила Кэт, скрестив руки на груди. — Ты в последний раз загорал, наверное, в детском лагере.

— Это не повод отказывать себе в амбициях, — Тим пожал плечами и с улыбкой посмотрел на неё.

Мел сидела на подоконнике, болтая ногами, и наблюдала за всеми с лёгкой улыбкой. Она молчала, но по её лицу было видно, что ей нравится этот спор — привычный, бессмысленный, родной.

— Голосуем, — Виктор поднял руку. — Кто за озеро?

Тим, Мел и я подняли руки. Кэт воздержалась, сделав вид, что изучает свои ногти. Виктор посчитал, хмыкнул и развёл руками.

— Озеро, значит. Решено. — Он посмотрел на Мел. — Мел, у тебя есть сумка большая? Надо сложить воду и что-нибудь из еды.

— Есть, — Мел прыгнула с подоконника. — Только я сначала помогу Тиму с постелью, а то он опять заправляет как медведь.

Тим бросил на неё благодарный взгляд, и она подошла

к его раскладушке. Они стали заправлять одеяло вместе — Мел с одного края, Тим с другого. Двигались они синхронно, без слов, понимая друг друга с полутона. Тим загнул угол, Мел тут же поправила складку, он отступил на шаг — она одёрнула подол. Всё это выглядело настолько привычно, что я поймала себя на мысли: они делают это как пара, которая живёт вместе давно.

— Подожди, — я нахмурилась, глядя на них. — Вы что, вместе?

Мел обернулась, чуть покраснев, и переглянулась с Тимом.

— Мы женаты, — спокойно сказал Тим, заправляя последний угол с такой невозмутимостью, будто сообщал, что на улице хорошая погода.

— Женаты? — я моргнула. Потом ещё раз. — То есть... вы поженились? Вы двое?

— Уже полтора года, — Мел улыбнулась, но без хвастовства — скорее с мягким сомнением, будто до сих пор не верила, что это правда. — Мы ведь даже никому не рассказывали толком. Ну, кроме родителей.

— Полтора года, — повторила я, пытаюсь уложить это в голове. — То есть, когда вы... как это случилось?

— Долго и мучительно, — Тим усмехнулся. — Я добивался её два года.

— Три, — поправила Мел.

— Три, — согласился Тим без малейшего стыда. — Она

три года говорила, что мы «просто друзья», а потом вдруг сказала «да».

— «Вдруг» — это после того, как ты пригласил меня на ужин и весь вечер рассказывал про устройство двигателей, — Мел закатила глаза. — Я поняла, что если не выйду за тебя, ты так и будешь рассказывать мне про моторы до конца жизни.

Виктор хохотнул с раскладушки, отсыпав себе ещё горсть чипсов.

— Я знал, — заявил он. — Я всегда знал. Ещё когда мы в детстве играли в «квадрат», Тим всегда вставал в одну команду с Мел, даже если это было невыгодно.

— Это тактическое решение, — невозмутимо ответил Тим.

— Тактическое, — кивнул Виктор. — Конечно.

Кэт молча посмотрела на Тима, потом на Мел, потом отвела взгляд к окну. Я заметила, что её улыбка чуть дрогнула — совсем чуть-чуть, на долю секунды, — но она тут же выровняла выражение лица и повернулась к зеркалу, делая вид, что поправляет причёску.

— Так, — Виктор хлопнул себя по коленям и встал. — Озеро, значит, озеро. Кто что берёт?

— Я возьму воду и фрукты, — сказала Мел.

— Я — полотенца, — Тим кивнул в сторону угла, где лежала стопка тканей. — У нас с Мел два больших, остальных обеспечим из тех, что в доме.

— У меня есть крем от загара, — Кэт наконец обернулась, и голос у неё был как ни в чём не бывало. — Намажу всех, кто попросит.

— Я не прошу, — буркнул Виктор.

— Я имела в виду — намажу всех, кто попросит. Но тебя всё равно намажу, — Кэт улыбнулась с такой опасной ласковостью, что Виктор сдался и поднял руки.

— Ладно, ладно. Мажь.

— Я возьму фотоаппарат, — сказала я. — У меня плёночный, мама когда-то подарила.

— Плёночный? — Тим поднял брови. — Серьёзно? Где ты вообще плёнку нашла?

— В нашем городе ещё продают, если знать где, — я пожала плечами. — Хочу нормальные фотографии, не телефонные. Таких уже почти не делают.

— Хорошо, — кивнул Тим. — Тогда встречаемся через полчаса у калитки. Кто опоздает — тот несёт воду.

— Это несправедливо, — тут же возразил Виктор, — воду и так понесём.

— Тогда понесёшь в два раза больше, — подмигнула Мел.

Все засмеялись и разбрелись по дому, собирая вещи. Я достала фотоаппарат из сумки — старый, тяжёлый, с потёртым кожаным ремешком — и повесила на шею. За окном светало чуть ярче: серое небо понемногу прорезалось бледно-голубыми полосами, и от этого мир за стеклом казался нарисованным акварелью, которая ещё не высохла.

Я подумала о Глебе. Он так и не вернулся в дом. Где-то в своём, за пару улиц отсюда, может, стоял у окна и смотрел на то же небо. Или не смотрел. Я не знала, и от этого незнания было тревожно — будто держишь в руках конверт с письмом, которое боишься открыть.

Я покрутила кольцо настройки на объективе, сфокусировалась на окне напротив — рама, треснувшее стекло, горшок всё с тем же *суккулентом* на подоконнике — и нажала на спуск. Щелчок. Кадр первый.

— Елена, пошли! — крикнул Виктор снизу. — Кто последний — тот несёт воду!

— Несёт воду тот, кто опоздал, — поправила я, убирая фотоаппарат под кофту.

— Вот именно! Поторапливайся!

Я сунула ноги в кроссовки и спустилась вниз. Ребята уже стояли у калитки: Мел с большой сумкой через плечо, Тим — с полотенцами, Кэт — с кремом и солнцезащитными очками, Виктор — без всего, зато с пачкой чипсов в руке.

— А вода? — спросил Тим, глядя на Виктора.

— В сумке у Мел, — виновато улыбнулся Виктор.

— Как обычно, — Тим покачал головой, но без злости. — Ладно, пошли. Озеро за лесом, минут сорок пешком.

Мы вышли за калитку и двинулись по грунтовой главной дороге. Солнце уже встало как следует, но не пекло — погода стояла на той границе между летом и осенью, когда ещё тепло, но воздух уже пахнет по-другому: не цветами, а чем-

то более сухим и горьковатым, листвою и землёй.

Мел шла впереди с Тимом, и он, не глядя, взял её за руку. Она переплела пальцы с его, и они зашагали ровно, как будто шли по одному маршруту всю жизнь. Виктор шёл следом, Кэт — чуть позади, в очках, с высоко поднятой головой, словно опасалась яркого света.

Я шла последней, покручивая ремешок фотоаппарата на шее. Дорога уходила к лесу, и за деревьями, по словам Тима, лежало то самое озеро, куда мы когда-то бегали детьми — мелкое, тёплое, с илистым дном и камышами по краю. Тогда оно казалось огромным. Теперь, скорее всего, окажется небольшим, окружённым дачами и зарослями. Но это не имело значения — важно было не озеро, а то, что мы снова шли к нему вместе.

— Кэт, — окликнул Виктор, обернувшись, — ты там не отстала?

— Я не отстаю, — невозмутимо ответила Кэт, поправляя очки. — Я иду в комфортном темпе.

— Это её фирменное, — хмыкнул Тим, не оборачиваясь. — В детстве она так же говорила, когда мы убегали от злого пса с соседней улицы.

— Я не убегала, — Кэт слегка повысила голос. — Я стратегически отступала.

— Стратегически отступала в кусты, — добавил Виктор. Все засмеялись, и Кэт, не выдержав, тоже улыбнулась. Лес приблизился. Деревья сомкнулись над дорогой, и ста-

ло прохладнее. Дорога сузилась до тропинки, посыпанной хвоей и мелкими ветками. Мел и Тим шли первыми, и я видела, как он иногда наклонялся к ней и что-то шептал, отчего она тихо смеялась и толкала его плечом. Они были так естественны вместе, что мне стало немного завидно — не ревниво, а с тихой радостью за них, смешанной с грустью о чём-то своём.

Минут через двадцать тропинка пошла под уклон, деревья расступились, и между ними блеснула вода — мелкая, тёплая, с камышами по краю. Берег был песчаный, с парой поваленных стволов, которые лежали здесь, кажется, ещё с нашего детства.

— Вот, — Тим остановился на краю и обвёл рукой озеро. — Оно.

— Меньше, чем я помню, — сказал Виктор.

— Мы больше, — ответил Тим.

Елена и ребята не знали, но Глеб в это время сидел за дубовым столом в своём доме. Перед ним стоял стакан с виски — единственный дорогой предмет в этом доме, янтарная жидкость, привезённая из города, из того, другого, настоящего мира, где всё было проще и где он не возвращался в прошлое каждый раз, стоило лишь закрыть глаза.

Он не пил — скорее, держал. В пальцах, между большим и указательным, крутил стакан, и жидкость в нём медленно перекачивалась от стенки к стенке, ловя тусклый свет из окна. На часах было половина одиннадцатого утра, но в Верес-

ковом Бору время будто текло иначе — здесь оно не делилось на утром и вечером, здесь оно просто стояло, как вода в блюде, и виски в десять утра ничем не отличался от виски в десять вечера.

Дом был современным, двухэтажным, с панорамными окнами. Родители Глеба работали достаточно много, поэтому могли позволить себе дорогой ремонт. Большой дубовый стол посередине гостиной и белоснежный угловой диван. Чуть в углу была пристроена кухня, с барной стойкой, а сбоку дверь, которая вела в сад. Но за всей этой роскошью пряталось одиночество, которое он испытывал, почти всегда.

Глеб сделал глоток. Виски обжёг горло, и на секунду стало легче — тепло разлилось по груди, притупив то тупое, ноющее чувство, которое не уходило уже полгода. Он поставил стакан и посмотрел на стену напротив.

Полгода. Шесть месяцев и двенадцать дней, если быть точным. Он считал — не специально, просто каждое утро, просыпаясь, машинально прибавлял единицу, как узник, царапающий зарубки на стене. Даша умерла в марте, тихо, в больнице, во сне — генетическое нарушение, о котором никто не знал, пока не стало поздно. Сердце просто остановилось, будто устало. Ей было пятнадцать.

Глеб допил виски и налил ещё. Рука не дрожала — она перестала дрожать через месяц после похорон, когда слёзы закончились и осталось только это: ровное, холодное ощущение, что что-то в мире сломалось, и починить нельзя, и

жить с этим — значит носить осколок в груди каждый день, стараясь не дышать слишком глубоко, чтобы не порезаться.

А потом приехала Елена.

Он не хотел, чтобы она приезжала. Не потому, что не рад был — а потому, что наоборот рад, и это было хуже всего. Радость была как трещина в стене: начнёшь смотреть — не остановишься, и всё развалится. Он выстроил за полгода что-то вроде равновесия — хрупкого, кривого, но работающего: встал, пошёл, поел, поработал, лёг, уснул. Без чувства, без боли, без тепла. И вот Елена приезжает и всё это ломает — одним своим присутствием, своим взглядом, своей сонной улыбкой, своим голосом, который он помнит лучше, чем хочет.

Он вновь взял стакан. Виски стал тёплым, и вкус изменился — из крепкого и чистого превратился в горьковатый, вяжущий, как лекарство. Глеб сделал глоток и закрыл глаза.

Думать о том, как заставить её уехать, было проще, чем признать, зачем он это делает. Он придумывал причины, одну за другой, и каждая звучала убедительнее предыдущей: ей здесь нечего делать, она человек городской, ей тут скучно, ей опасно здесь — не физически, а по-другому, по-настоящему, потому что эта деревня затягивает, потому что здесь слишком много памяти и слишком мало будущего. Он думал о том, чтобы сказать ей правду, — но правда была тяжёлая, неуклюжая, и он не знал, как её держать, не уронив.

Может, быть грубым — он умел, когда хотел. Может, про-

сто не разговаривать, и она сама уедет через день-два, заскучает, не выдержит тишины и отсутствия смысла. Она ведь не знает, что держит его здесь. Не знает про его сестру, про дом, про всё, что осталось после. Она приезжает как гость — а Глеб живёт здесь как узник, и разница между этими двумя словами — только в том, что узник знает, почему он здесь.

Он вышел на крыльцо, закурил. Дым поднялся вверх и растаял в бледно-голубом небе. Где-то за лесом, на озере, ребята наверняка уже бросались в воду, кричали, смеялись. Может, Елена тоже — она умела смеяться так, что всем вокруг становилось легче, и от этого ему было ещё тяжелее, потому что он помнил этот смех и знал, что больше не смеётся так сам.

«Уезжай», — повторил он мысленно, обращаясь к ней, как будто она могла услышать. — «Пожалуйста. Уезжай. Не потому что я не хочу тебя видеть. А потому что я не смогу защитить тебя, больше не смогу».

Он затушил сигарету о перила, бросил окурочок в жестяную банку из-под томатной пасты, которая стояла у ступеней для этой цели уже год, и вернулся в дом. Дверь за ним закрылась тихо — так тихо, что с улицы можно было подумать, будто в доме никто и не живёт.

Мы вернулись в деревню уже ближе к вечеру — вдоволь накупавшись, загорелые, немного уставшие. Солнце клонилось к горизонту, и дорога домой казалась длиннее, чем утром: ноги гудели, сумки оттянули плечи, а Виктор, кото-

рый первым кричал «озеро», теперь шёл молча, прижав пустой пакет из-под чипсов к груди, как знамя побеждённой армии.

— Ну что, повторим завтра? — спросил он, но без энтузиазма.

— Завтра посмотрим, — Тим обернулся. — Может, и повторим, если народ не разбредётся.

Никто не разбредётся, подумала я. Не сейчас, не в этот раз. Мы слишком долго собирались сюда, чтобы разбрестись в первый же день.

Когда мы подошли к дому, уже стемнело — не окончательно, но небо налилось густой синевой, и в ней проступили первые звёзды, неяркие. В окнах нашего дома было темно. Глеб так и не появился — ни днём, ни вечером. Его раскладушка стояла нетронутой, аккуратно застеленной, как и утром.

Когда стемнело окончательно, мы разошлись по своим раскладушкам. Тим выключил свет, и комната погрузилась в темноту, нарушаемую только бледным прямоугольником окна. Кэт вскоре заснула — её дыхание стало ровным и тихим. Виктор захрапел через пять минут, как обычно, без перехода от бодрствования ко сну. Тим и Мел шептались о чём-то — я слышала обрывки: «не трогай его сейчас», «он сам придёт», «дай ему время» — и потом тоже затихли.

Сон пришёл неожиданно — мягко, без сновидений, как будто кто-то накрыл меня тёплым одеялом с головой и ска-

зал: «хватит думать, утро вечера мудренее». Я послушалась. Последнее, что я слышала, — лёгкий скрип ступеней на крыльце. Кто-то ходил снаружи. Может, кот. Может, ветер. А может, это Глеб всё-таки пришёл — постоял у двери, послушал тишину и ушёл обратно, так и не открыв.

Глава 4

Ночь прошла спокойно — настолько, что никто не проснулся ни на рассвете, ни к девяти, ни к одиннадцати. Только к часу дня Кэт первая поднялась, зевнула, потянулась и объявила, что если мы не поедим сейчас, то она не отвечает за последствия. Никто не возразил — все были слишком сонные и вялые для споров.

Пока Кэт готовила запоздалый завтрак — яичницу с зелёным салатом и тёртым сыром, — я подошла к Мел, которая сидела на краю раскладушки и лениво листала телефон.

— Мел, позвони Глебу, — попросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Он и днём не вернулся. Я волнуюсь.

Мель кивнула, набрала номер, прижала телефон к уху. Прошло пять секунд, десять, пятнадцать. Она нахмурилась, посмотрела на экран и набрала снова.

— Странно. Связи нет, — сказала она, подняв на меня растерянный взгляд. — Ни одного деления.

— Только вчера же была, — Виктор потянулся на раскладушке так, что хрустнули плечи. — Я вечером другу писал, всё работало.

Кэт, которая уже раскладывала яичницу по тарелкам, одной рукой достала телефон, проверила — и замерла с лопаткой в воздухе.

— У меня тоже нет. Совсем.

Я потянулась к своему телефону с надеждой, что это совпадение, что просто помехи, что ещё минуту — и всё восстановится. Но экран показывал то же: пустое место в углу, ни сети, ни интернета. Мы сидели вчетвером — нет, впятером, с Тимом — и смотрели на свои телефоны, как люди, которые одновременно потеряли что-то важное и не могли понять, что именно.

— Может, появится позже, — Тим поднялся, забрал у Кэт две тарелки и понёс к столу. — Небось какие-то работы на подстанции проводят. Деревня всё-таки, тут и не такое бывает.

— А Глеб? — не отставала я.

— Глебу ничего не сделается, — Тим поставил тарелки и обернулся. — Он тут родился, знает каждый угол. Просто загулял или сидит у себя.

— Вот именно — сидит у себя, — я уже шнуровала кроссовки. — Один. С утра. Я схожу к нему, позову поесть с нами.

— Может, не надо? — Мел посмотрела на меня с тем выражением, которое появлялось у неё, когда она хотела сказать «не ходи», но не решалась.

— Надо, — ответила я и, не дожидаясь их согласия, вышла на улицу.

День выдался прохладным и пасмурным. Воздух стоял плотный, белёсый, и по нему плыл туман — лёгкий, но упрямый, какой бывает обычно на рассвете, а не после полудня.

Деревня лежала в нём, как в вате: дома проступали нечётко, контуры расплывались, и звуки глохли, не успев родиться. На улицах — ни души. Ни машин, ни прохожих, ни собак. Даже птицы молчали, и от этой тишины было беспокойно, будто я шла по декорациям, из которых все актёры уже ушли.

Я дошла до дома Глеба за пять минут. Железные ворота — тяжёлые, ржавые — стояли закрытыми, но не запертыми. Я остановилась, положила ладонь на холодный металл и замешкалась. Что, если он не хочет меня видеть? Что, если вообще уехал, как в прошлый раз — без предупреждения, без звонка, без «прощай»?

Я постояла, переминаясь с ноги на ногу, потом всё же толкнула ворота. Те поддались со скрипом, и я прошла по заросшей тропинке к двери.

Дом Глеба не был похож на остальные в Вересковом Бору. Те — старые, бревенчатые, с покосившимися крышами и ставнями, висящими на одном гвозде, — стояли здесь, кажется, ещё со времён бабушек. Этот — другой, он выглядел так, будто кто-то по ошибке поставил здесь кусок и забыл забрать. Стены — серые, гладкие, без единой трещины. Терраса — широкая, с перилами из тёмного дерева. И всё-таки дом не казался чужим — может, потому что вписался в деревенский пейзаж так же молчаливо и уверенно, как сам Глеб вписывался в нашу компанию.

Я поднялась на крыльцо. Пальцы — дрожали, от холода или от нервов, я не поняла — нажала на звонок. Мелодия

— негромкая, классическая, что-то из *Шопена* — поплыла по дому, отражаясь от стен и возвращаясь ко мне эхом. Я стояла и ждала. Минута. Две. Тишина. Ни шагов, ни голоса, ни скрипа пола. Только *Шопен*, доиграв, замолчал — и снова тишина, плотная, как туман снаружи.

Я потянулась к звонку снова, но в этот момент дверь распахнулась — резко, так, что я отступила на шаг. На пороге стоял Глеб: чёрная футболка, тёмные спортивные штаны, босые ноги. Волосы — влажные, будто он только что умылся, но глаза — красные, опухшие, и от него тянуло запахом, который я уже знала: виски, тяжёлый, густой, не выветренный за ночь.

Он посмотрел на меня — и на долю секунды по лицу мелькнуло что-то живое: удивление, или облегчение, или и то и другое. Но тут же исчезло, закрылось привычной маской — ровной, холодной, непроницаемой, как стены его дома.

— Что тебе, Елена? — голос хриплый, низкий.

— Пришла позвать тебя на завтрак, — я постаралась улыбнуться. — Ребята волнуются. Ты не пришёл ночью.

— Я не просил волноваться, — он отвернулся, но дверь не закрыл.

— Не просил. Но волнуются. — Я помолчала. — Связи нет. Ни у кого. Ты не знаешь, что случилось?

— Связи? — он нахмурился, будто не понял вопроса. Потом покачал головой. — Не знаю. Может, вышка сломалась. Здесь часто.

— Тогда пойдёшь с нами? Позавтракаем, поговорим. Ты ведь наверное ничего не ел.

Глеб посмотрел на меня — долго, молча, и в его взгляде было что-то, чего я не могла разобрать: то ли злость, то ли усталость, то ли что-то третье, что не имело названия. Потом он вздохнул, провёл рукой по лицу и кивнул.

— Ладно. Подожди. Обуюсь.

Он исчез в доме, и я осталась на крыльце, глядя на улицу.

Глеб вышел через минуту — в ботинках на босу ногу, в той же мятой футболке, с ещё более мрачным лицом. Мы пошли молча, и он не смотрел на меня, и я не смотрела на него, и между нами было три шага расстояния и десять лет невысказанного.

Мы прошли одну улицу, свернули на вторую, и я уже увидела крышу нашего дома за деревьями, когда воздух разорвал звук — низкий, тяжёлый, ударивший в уши и в грудь, как кулак. Не гром, не выстрел — взрыв, глухой и плотный, от которого вздрогнула земля под ногами и зазвенели стёкла в ближайших окнах.

Я остановилась. Глеб остановился рядом.

— Что это? — я повернулась к нему, и голос мой, кажется, дрогнул.

Глеб не ответил. Он смотрел в сторону нашего дома — и я перевела взгляд туда, и увидела.

Дым. Чёрный, густой, тяжёлый — не тот, что от костра, а другой, едкий, химический, от которого защипало в глазах.

Он поднимался над крышей дома, в котором мы ночевали, — нет, не над крышей. Из крыши. Из окон, из дверей, — отовсюду, будто дом дышал чёрным огнём.

А потом я увидела пламя — яркое, жёлто-оранжевое, рвущееся наружу с такой скоростью, будто кто-то плеснул бензином и поджёг. *Дом горел* — весь, целиком, от фундамента до крыши, и огонь пожирал его с такой жадностью, что деревянные стены трещали и разваливались, и искры взлетали вверх чёрными облаками.

— Нет! — я рванулась вперёд, но Глеб схватил меня за руку.

— Стой! — крикнул он. — Стой, туда нельзя!

— Там ребята! — я пыталась вырваться, но его пальцы держали крепко, — они все там!

— Стой здесь! — Глеб отпустил меня, и я увидела, как изменилось его лицо: усталость и хмель исчезли, и осталось что-то острое, собранное, звериное. — Я пойду. Не двигайся. Слышишь? Не двигайся!

Он побежал к дому — быстро, уверенно, как человек, привыкший действовать, а не думать. Я не послушала и побежала следом.

Когда мы подбежали, было уже поздно. Дом полыхал — весь, от стен до крыши, и жар бил в лицо с такого расстояния, что я чувствовала, как сохнет кожа. Огонь шёл не снизу вверх, как обычно, — он шёл отовсюду, будто вспыхнул одновременно, будто кто-то сделал так, чтобы дом загорел-

ся весь и сразу. Стены уже обрушились с одной стороны, и сквозь огонь я видела внутренности дома — раскладушки, одеяла, вещи — всё, что было нашим, всё, что было ещё час назад живым и тёплым.

— Ребята! — крикнула я, и голос сорвался. — Мел! Тим!

— Сюда! — голос Виктора — хриплый, испуганный, но живой. — Мы тут!

Я обернулась. Они бежали к нам с другой стороны — из-за сарая, который стоял позади дома. Все четверо: Виктор — без рубашки, босиком; Тим — с лицом, покрытым копотью; Мел — прижимающая руку к груди; Кэт — белая, как бумага, с глазами, полными слёз.

— Вы живы, — я бросилась к ним, ноги подкосились, и Глеб поймал меня за плечо.

— Живы, — Тим дышал тяжело, рвано. — Мы вышли. Мы... Мы слышали крик — со стороны сарая. Думали, это ты. Решили проверить.

— Крик? — я непонимающе посмотрела на него.

— Крик, — повторила Мел. Её руки дрожали. — Женский крик. Со стороны сарая, ближе к дороге, в сторону леса. Мы подумали, что ты пошла к Глебу и что-то случилось. Мы выбежали. Все. Были вне дома, может, минуты три.

— Три минуты, — Глеб произнёс это тихо, но я услышала. Он стоял рядом, смотрел на горящий дом, и лицо его было белым. — Три минуты. Кто-то знал, что вы выйдете.

— Что? — Тим обернулся к нему.

— Кто-то отвлёк вас, — Глеб сжал кулаки. — Крикнул. Выбежали. И в этот момент подожгли. Это не случайность.

Повисла тишина — огонь ревел так, что ничего больше не было слышно, но между нами повисла другая тишина, тяжёлая, невозможная, в которой каждый пытался осмыслить услышанное.

— Подожди, — Виктор побледнел. — Ты хочешь сказать, что кто-то намеренно...

— Я хочу сказать, — Глеб повернулся к нему, и голос его был ровным, ледяным, — что кто-то закричал, чтобы вы вышли из дома, и поджёг его в ту секунду, когда вы вышли. Если бы вы остались внутри — были бы уже мертвы.

Кэт издала звук — не крик, не стон, что-то среднее, и Мел обняла её, прижала к себе. Тим стоял неподвижно, сжав челюсти, и смотрел на огонь. Виктор опустил на землю — просто сел, как подкошенный, и уставился перед собой пустым взглядом.

Я стояла и смотрела, как горит дом, в котором час назад спала. Как огонь пожирает раскладушки, одеяла, вещи — всё, что было нашим, детским, привычным. Как чёрный дым поднимается в серое небо и растворяется в нём без следа, будто ничего не было.

И думала о крике. О том, кто кричал. О том, кто поджёг. И о том, что Глеб был прав — мне нужно было уехать.

Но теперь было поздно.

— Ладно, пойдёмте, иначе надышимся дымом, — пре-

рвал наше молчание Тим. — У меня в доме телефон стационарный, попробуем дозвониться до пожарных и полиции.

Мел подхватила шокированную Кэт под руки, и они тяжело зашагали в сторону дома Тима. Виктор и Глеб плелись сзади, молчали, каждый о своём. Я шла между ними и девочками, то и дело оборачиваясь на чёрный столб дыма, который всё ещё поднимался.

Дом Тима стоял на соседней улице — небольшой, бревенчатый, с новыми ставнями, которые он повесил прошлым летом. Внутри было просто: тесная прихожая, гостинная с диваном и старым телевизором, кухня, совмещённая со столовой. Ничего лишнего — Тим всегда жил так: только то, чем пользуешься, ничего для вида. Это, наверное, был первый раз за всё время, когда мы все пятеро оказались у него одновременно.

Мел усадила ещё дрожащую Кэт на стул в гостиной и обняла её за плечи. Тим поставил чайник, видимо чтобы хоть немного успокоить дрожащие руки. Виктор и Глеб молча проверили замки на входной двери — оба двигались сосредоточенно, без лишних слов, как будто заранее договорились о том, кто какую щель проверит.

— Что за чёрт? — выругался Тим, смотря хмуро в окно.

— Что там? — тут же спросил Виктор.

— Сейчас же только два часа дня, а на улице будто уже глубокая ночь, — Тим отодвинул шторку, показывая нам.

И точно: за окном стояла тьма — не сумерки, а густая,

плотная чернота, какая бывает в три часа ночи, когда даже луна не пробивается сквозь облака. Деревья за окном превратились в чёрные пятна, дорога исчезла, и только фонарь у калитки Тима бросал жёлтый круг света, за которым не было ничего — ни домов, ни заборов, ни неба. Только темнота.

Мы переглянулись. Виктор посмотрел на часы, висевшие на стене, — и побледнел. Стрелки замерли на двенадцати. Ни секунды вперёд, ни секунды назад.

— Они не ходят, — сказал он тихо. — Часы остановились.

Повисла зловещая тишина. Только всхлипы Кэт отдавались в ушах каждого — тихие, неконтролируемые, как у ребёнка, который проснулся от кошмара и не может понять, что реальность, а что сон. Мел прижимала её к себе и гладила по волосам, но сама смотрела в стену расширенными глазами.

Тим наконец вспомнил про телефон. Он подбежал к столику у входной двери, снял трубку и судорожно набрал номер пожарной службы. Гудка не было. Тишина — мёртвая, густая, какая бывает, когда линию обрезают. Он набрал снова. Потом номер полиции. Потом скорой. Потом свой собственный мобильный — на всякий случай. Телефон молчал, как кусок пластика.

— Да что за чертовщина! — Тим бросил трубку, и она ударилась о стену с глухим стуком. Он отошёл от столика и плюхнулся на диван рядом с Мел, раздражённый, сжимая и разжимая кулаки.

Вдруг раздался громкий стук в дверь. Резкий, отчаянный — не вежливый, не предупреждающий, а такой, от какого вздрагиваешь всем телом. За ним последовал женский голос — дрожащий, срывающийся:

— Помогите! Прошу!

Все разом напряглись. Глеб сжал челюсть так, что проступили желваки. Мы с девочками в панике переглянулись. Виктор схватил кочергу, которая стояла у печки. Тим подскочил с дивана и сразу направился к двери, но Глеб схватил его за руку — не болезненно, но достаточно крепко, останавливая.

— Не надо, — холодно произнёс он, не выпуская Тима.

— В смысле «не надо»? Там человек помощи просит, ты совсем рехнулся?! — не дожидаясь ответа, Тим резко повернул дверной замок и распахнул дверь, впуская в дом незнакомку.

Первое, что бросилось в глаза, — *кровь. Много крови.* Её руки были в крови, кофта, джинсы — тёмные пятна расплзались по ткани так, будто она обнимала кого-то мокрого, красного. Она тряслась, как осиновый лист, глаза бегали по дому, скользя мимо нас, будто она боялась взглянуть на его обитателей. Волосы были мокрые — от пота или от тумана, — прилипли ко лбу и щекам.

Виктор подбежал быстро, перекрывая путь к гостиной и выставив кочергу перед собой, как оружие. В этот момент Глеб захлопнул дверь и повернул замок, а затем пододвинул

стул под ручку — для верности.

— Кто ты? Это твоя кровь? — спросил Тим, оглядывая незнакомку.

— Я... я... — ждать от неё ясный ответ мы не могли: девушка была настолько напугана, что не могла связать и двух слов. Губы у неё дрожали, зубы стучали, и она то прижимала ладони к лицу, то отдёргивала их, глядя на кровь, как будто видела её впервые.

Я медленно подошла к ней и присела на корточки, пытаюсь унять собственную дрожь в голосе.

— Меня зовут Елена. А как зовут тебя? — спросила я как можно мягче.

— М-Мария, — прошептала девушка, продолжая смотреть на свои окровавленные руки.

— Мария, — повторила я, — скажи, что случилось? Почему тебе нужна была помощь?

Она замялась. Взгляд заметался по лицам ребят — по Тиму, по Виктору с кочергой, по Глебу у двери, по Кэт и Мел на диване, — и остановился на мне. Потом, тихо, так тихо, будто боялась, что кто-то чужой услышит, прошептала:

— Мой муж... Он... он лежал там, весь в крови... — она прикрыла лицо руками, и пальцы её дрогнули. — Я говорила ему не выходить из дома, но он не послушал. Когда я вышла следом, он уже лежал там, весь в крови, с открытыми глазами, полными ужаса.

Мы переглянулись с Тимом.

— Кто мог напасть на вашего мужа? — холодно спросил Тим, нависая над девушкой.

Но она не ответила. Я заметила, как она просто закрылась — что-то опустилось за её глазами, как штора, и на все последующие вопросы она даже не реагировала. Глаза остекленели, губы перестали дрожать, и она замерла, словно ушла внутрь себя и захлопнула дверь.

— Не, мы точно в каком-то дебильном шоу — с нервной усмешкой сказал Виктор, покручивая кочергу из стороны в сторону.

— Заткнись, Виктор, — злобно бросила Мел, продолжая держать за плечи дрожащую Кэт.

— Нет, ну а что? Давайте выйдем и посмотрим, кто там такой страшный бродит, — продолжал он, подходя ближе к входной двери.

Глеб поднялся с пола и встал между гостиной и коридором, не давая ему пройти.

— Не советую. В доме безопаснее.

Виктор ехидно ухмыльнулся, глядя на него с вызовом.

— Пройти дай. Раз вы все тут такие трусы, то хоть я должен что-то сделать, — сказал он, не прерывая зрительный контакт с Глебом, который уже начинал откровенно раздражаться. Кулаки побелели.

Тут совершенно неожиданно для всех вскочила Мария. Глаза у неё стали круглые, огромные, как у человека, который услышал что-то, чего не должен был слышать. Она

вскрикнула — тонко, сдавленно:

— Он жив! Муж зовёт меня!

Глеб и Виктор обменялись непонимающим взглядом, никто ничего *не слышал*. Мария на дрожащих ногах бросилась к двери, но Глеб встал на пути — и тогда, с какой-то дикой, нечеловеческой силой, она схватила стул, который подпирал ручку, и швырнула прямо в него. Ножка стула попала по плечу, Глеб отшатнулся, он не ожидал такого поворота событий, и этой секунды хватило. Мария повернула замок и рванула дверь на себя.

Виктор бросился следом, схватил её сзади, попытался оттянуть руки от дверной ручки — но Мария ударила его локтем в бок, и Виктор резко согнулся, хватая ртом воздух. Она выскочила за порог, и Виктор, преодолевая боль, бросился за ней.

Он догнал её уже у открытой калитки. Остановился в полушаге, глядя, как она стоит неподвижно, глядя перед собой, и издаёт какой-то хрип — низкий, булькающий, как будто что-то внутри неё сломалось.

В этот момент из дома выбежали я и Тим. Глеб шёл следом, чуть позади, — медленно, напряжённо, как человек, который *знает*, что увидит, и не хочет смотреть.

Мы не сразу заметили, что впереди Марии кто-то стоял.

Кто-то мрачный, в тёмном капюшоне, из-под которого ничего не было видно — ни лица, ни глаз, ни даже намёка на черты. Просто темнота, собранная в форму человека. Фигу-

ра стояла неподвижно, и от неё веяло чем-то таким, от чего холодело внутри — не страхом, а чем-то более глубоким, древним.

Мария издала последний хриплый звук — и замертво упала на землю, полностью открывая нам обзор на силуэт в капюшоне.

Никто не двигался. Никто не дышал. Темнота вокруг стояла стеною, и в ней, как в раме, застыла картина: упавшая женщина, чёрная фигура, и пятеро людей на крыльце, которые вдруг поняли, что уезжать уже некуда.